

«Мне запрещали козырять папиным именем»

Невне шкесоня — 2005. — 11. янв. — с. 5, 1.

Окончание. Начало на стр. 1

— А как складывалась работа с Быковым? Ведь известно, что у него был крайне неуживчивый характер: он всегда отстаивал свою точку зрения, редко кому позволял импровизировать. Вам, в ту пору начинающему композитору, приходилось тогда отстаивать свои права?

— У Ролана я прошел школу мужества. Он был невероятно талантливым и, как всякий талантливый человек, невероятно сложным и требовательным. Но, я до сих пор твердо знаю: лучше работать со сложной, но талантливой личностью, чем с бездарем, который будет тебе в рот смотреть и делать все, что ты говоришь. В какой-то момент такому человеку хочется сказать: «Закрой уже рот, наконец, и сделай что-нибудь сам!». Быков научил меня важнейшим вещам. Например, заниматься своим непосредственным делом, никогда не размениваться по мелочам. Он говорил: «Куда ты все время бежишь, что ты суетишься? Каждому делу — свой хозяин. Есть администратор, есть всевозможные помощники, а ты не забивай свою «барскую» голову всякими глупостями!». Таким образом, еще когда я был совсем молодым, он научил, что у меня есть свое место — и причем достаточно высокое. Он всегда мне повторял: «Всегда работай только с талантливыми. Окружение делает короля. Если окружаешь себя талантливыми композиторами, авторами, операторами, то это и тебе на руку — они же тебя и приподнимут, они же тебя и сделают королем». С тех пор я работаю только с людьми одаренными, хотя это очень трудно. Но тем не менее всегда приносит необходимый результат и успех.

— Наверняка ведь от каких-то работ и отказываться приходилось?

— Отказывался я достаточно много. О чем-то даже жалею. Я чуть не поспорил с хорошим человеком и хорошим режиссером Борей Дуровым, который поставил «Пираты XX века». Я уехал отдыхать в Сочи, а он мне туда звонил и просил сочинить музыку к этой картине. Я ему говорил: «Боренька, ну через недельку-две приеду и напишу». А он говорил, что через 2 недели будет поздно. Так я все это и «спустил на тормозах». Естественно, я не мог сказать ему правду, что мне просто не нравятся материалы. А потом, когда кар-

ИТАР-ТАСС. ГРИГОРИЙ СЫСОВЕВ

Максим ДУНАЕВСКИЙ — сын известного советского композитора Исаака Дунаевского — родился 15 января 1945 года. В 1970 году окончил теоретико-композиторский факультет Московской консерватории по классу композиции у Тихона Хренникова. Широкую известность Максиму Дунаевскому принесли мюзиклы «Тили-тили-тесто...» (1968), «Емелино счастье» (1975), «Три мушкетера» (1977), «Дети капитана Гранта» (1987). Он — автор музыки более чем к 30 кинофильмам, среди которых «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Карнавал», «Ах, водевиль, водевиль», «Трест, который лопнул», «Зеленый фургон», «Мэри Поппинс, до свидания!» и «Д'Артаньян и три мушкетера» (по мюзиклу). С 1992 года Максим Дунаевский сотрудничает и с Голливудом.

тина получила признание, стала хитом в кинопрокате и ее продали в 60 стран мира, конечно, чуть-чуть пожалел, что не работал на этом проекте.

Отказываться всерьез я стал только в последние годы. Сейчас снимается много инте-

ресных картин. Я очень загружен. Но это и хорошо — появилась возможность выбирать хорошего сценариста, хорошего режиссера, интересную работу.

— А с кем из режиссеров было работалось сложнее всего?

— Пожалуй, с Татьяной Лиозновой на «Карнавале». Я работал со многими прекрасными режиссерами — с упомянутым Роланом Быковым, с Леонидом Гайдаем, с Александром Миттой, с Гарри Бардиным... Все они требовательные художники — как к себе, так и к другим. Но Татьяна Михайловна превзошла всех. В своих бесконечных сомнениях. Например, у песни «Позвони мне, позвони», которая в результате стала популярной — было около 25 вариантов! Лиозновой все время что-то не нравилось. И вот я принес ей 21-й или 22-й вариант, и она, наконец, сказала: «Вот. Это — та песня. Все-таки я не зря столько времени приставала к тебе!». Но, самое интересное, что это был самый первый вариант песни. Я от безысходности решил ее обмануть и «подсунул» ей то, что придумал с самого начала.

— Ваша визитная карточка — кинокартина «Д'Артаньян и три мушкетера». Существует легенда, что этот мюзикл вы написали на спор, потому что кто-то сказал, что «Дунаевский — хороший композитор, но не может создать ни одного хита»...

— Ну, не совсем на спор. Меня, что называется, «взяли на слабо». Эту фразу — о том, что я не могу написать хит, сказал, между прочим, мой хороший товарищ — композитор Слава Добрынин. Вот я и решил ему доказать, что называется. Мюзикл «Три мушкетера» был мною придуман задолго до картины Георгия Юнгвальда-Хилькевича. Он был поставлен в ТЮЗе и потом облетел все театры страны, да и заграницей его показывали. И только по прошествии шести лет Юнгвальд-Хилькевич предложил мне перенести мюзикл в кино. По примеру того, как это делалось на Западе, например, с голливудскими мюзиклами.

— Отношение к вам после «Трех мушкетеров» изменилось, люди стали говорить — «Это тот самый человек, который написал «Пара-пара-парадуемся»?

— Да, конечно, отношение изменилось. Но я вообще человек достаточно скромный. И меня вся эта слава никогда не интересовала. Мне в детстве папа и мама запрещали «козырять» папиным именем. Своего-то еще не было, а папа был фантастически известный и популярный человек: его узнавали на ули-

цах, как киноактера. Но тогда это было гораздо сложнее, потому что не было ТВ. И как о нем люди узнавали? Через какую-то кинохронику и по портретам в газетах. Когда он уезжал куда-то, так весь вокзал буквально «вставал» как вкопанный, люди забывали, что им ехать надо куда-то. Это феноменальная была популярность! Конечно, мне такой популярности не достичь, даже при помощи телевидения. Хотя узнают очень часто, что приятно. Но у меня нет таких фанатов, как у эстрадных певцов, ко мне люди не бросаются в истерику, не рвут на мне одежду. Тихо-спокойно подходят, с большим уважением просят автограф. По этому поводу я часто вспоминаю одну байку. Михаила Светлова, нашего потрясающего поэта, приятель как-то спросил: «Михаил Аркадьевич, а почему вы до сих пор живете в коммунальной квартире? Вы же известный поэт. Неудобно как-то. Надо пойти в Моссовет и попросить квартиру». А Светлов ответил: «Вот вы и пойдите, а я буду тихонько плестись сюда и напевать «Каховка, Каховка, родная винтовка». Это его песня была (кстати, вместе с моим отцом написанная). Вот примерно по такому принципу живу и я.

— Вам наверняка всю жизнь спрашивают: насколько сложней доказать свою творческую состоятельность, когда за тобой стоит такой отец, как Исаак Дунаевский?

— Да, действительно, мне многие задают этот вопрос, а вот я сам никогда себе его не задавал. Как только начал учиться музыке, я в нее полностью погрузился. И для меня, в общем-то, не существовало никакой альтернативы. Я и не думал: стать ли мне музыкантом и быть конкурентом своему папе, или стать мне инженером, или, может быть, теннисистом... Меня, видимо, толкала внутренняя сила. И иногда я задумываюсь: «А, собственно, действительно, как же я преодолел этот творческий барьер?». Ответа на этот вопрос нет — как-то само собой получилось. Хотя, конечно, сначала вызывала интерес только фамилия, но потом мне пришлось доказывать, что ты «Федот», причем «тот». Но какого-то комплекса моя фамилия во мне никогда не вызывала. Может, я просто психически здоровый человек?!